

Она находилась в центре четырёхугольного двора, на крышах которого плотно стояли замаскированные в чёрное люди, каждый с луком в руках.

— Шшш! — раздался звук, и тысячи стрел полетели одновременно.

Камера вернулась к Чжан Куан, которая уже быстро переоделась в другую одежду, на которой заранее были прикреплены сломанные стрелы, имитируя сцену, где её пронзили стрелами.

Чжан Куан смотрела на небо, её взгляд был полон печали.

— Обрети свободу, не будь как я.

— Стоп!

По идее, Чжан Куан должна была ещё упасть, но режиссёр Ван остановил съёмку раньше. Он разгневанно подошёл и начал ругаться:

— Не годится! Переснимаем! Игра ужасная.

Чжан Куан молча встала, вся в сломанных стрелах.

Режиссёр Ван, видя её невинное выражение лица, не смог сдержать гнева и спросил:

— Чжан Куан, я тебе не раз говорил, ты отлично справляешься с боевыми сценами, сценами ранений и диалогами, но здесь ты просто провалилась.

Он сокрушался:

— Посмотри на свою игру, ты как деревяшка. Ты же умираешь, а у тебя никаких эмоций, просто лицо, словно «ой, я умираю».

Чжан Куан с каменным лицом приняла критику.

— И ещё, — режиссёр Ван всё ещё ценил её талант и, взяв сценарий, начал анализировать, — эти слова Цзи Юаньли обращены к Наложнице Лянь, она хочет, чтобы та смогла вырваться из дворцовых оков и обрести свободу. Но подумай, она же наложница, связанная с императором, как она может быть свободной?

Чжан Куан сказала:

— То есть здесь есть доля самообмана?

— Именно, — согласился режиссёр Ван. — Предыдущий бег удалять не будем, попробуем ещё раз снять финальную сцену смерти.

И затем —

Десять дублей, и все провалены.

В конце режиссёр Ван, крича «стоп», уже выглядел совершенно обессиленным, не понимая, что происходит с Чжан Куан, почему она никак не может передать печальное и сожалеющее выражение лица перед смертью.

Режиссёр Ван устало махнул рукой.

— Чжан Куан, иди отдохни, подумай над сценарием. Когда будешь готова, вернёшься.

Чжан Куан кивнула.

— Хорошо.

С облегчением она сняла реквизит и костюм, взяв сценарий для изучения.

После стольких повторений она чувствовала лёгкое раздражение. На самом деле она понимала, в чём проблема, но просто не могла найти нужного ощущения.

Предыдущие боевые сцены и диалоги давались ей легко, потому что она уже переживала подобное, и ей оставалось лишь вжиться в роль.

Но эта сцена была другой.

После того как она стала главой демонического культа, благодаря своим способностям она могла ходить, где хотела, и никого, кроме жены, не боялась. Так что смерть от тысячи стрел ей была незнакома.

Не имея опыта, она не могла понять, как это чувствовать, и каждый раз, когда она играла момент смерти, она была в растерянности, не зная, как правильно изобразить это.

Проще говоря, она не умирала, поэтому не знала, как это сыграть.

Неужели нужно умереть ради роли?

Чжан Куан была немного в отчаянии.

Лу Цянь тоже видел, как его босс застрял на этой сцене, и поспешил утешить:

— Босс, босс, выпей чая с молоком.

Они сели на маленькие стульчики в углу съёмочной площадки, вздыхая. Чжан Куан взяла чай и вздохнула:

— Сниматься в кино действительно непросто, я не могу найти нужное чувство.

Лу Цянь грыз печенье, утешая:

— Босс, ты уже очень хороша, мы снимали последние десять дней без проблем, только сегодня застряли.

Чжан Куан грустно сказала:

— Я же не умирала, как я могу знать, какое выражение лица должно быть перед смертью... Не могу понять.

Лу Цянь предложил:

— Босс, а у тебя были моменты, близкие к смерти? Может, попробуешь вспомнить те чувства?

Чжан Куан сделала глоток чая, он был довольно вкусным. В нём были пудинг и кокосовые кусочки, и она подумала, что нужно купить такой жене.

Глава культа немного подумала и продолжила:

— Был один момент, но я была ещё маленькой, когда попала под лавину, и тогда я просто оцепенела от страха. Это совсем не то, что у Цзи Юаньли, которая знает, что умирает, и принимает это.

Лу Цянь тоже не был актёром, поэтому мог только вместе с ней размышлять:

— А Цзи Юаньли перед смертью любила Наложницу Лянь?

Он наблюдал за съёмками последние десять дней и уже заметил странности в отношениях между убийцей и наложницей. Они всё время были вместе, словно «я умру, если ты умрёшь», это выглядело слишком подозрительно!

Автор «Рыбы в пруду» мог бы сказать, что между ними ничего не было, но кто бы поверил?!

Чжан Куан честно ответила:

— Не знаю.

Я знаю только, что люблю свою жену, а до других мне дела нет.

Два новичка в актёрском мастерстве долго размышляли, но ничего не придумали. Внезапно раздался знакомый голос, громко зовущий их издали:

— Босс, Лу, дурак!

Сун Мучжао, сопровождаемая съёмочной группой, радостно шла к ним.

— Почему ты только сейчас пришла? — с недовольством сказал Лу Цянь. — Я давно тебе сказал, что босс здесь снимается, а ты пришла, когда уже почти всё закончилось.

Сун Мучжао улыбнулась.

— Лу, дурак, ты не понимаешь моих благих намерений, я пришла не с пустыми руками.

Она таинственно сказала:

— Кроме меня, я привела ещё одного гостя!

С этими словами она отступила в сторону, показывая на человека позади себя.

Тот держал пакет и слегка помахал рукой.

— Привет.

Он выглядел немного смущённым и неловко поднял пакет.

— Я принёс немного закусок, хотите?

Чжан Куан дрогнула, чуть не уронив чай.

Это же жена?!

Жена пришла на съёмочную площадку?!

Лу Цянь удивлённо посмотрел на гостей и незаметно поднял большой палец Сун Мучжао: «Молодец! Умудрилась привести жену».

Сун Мучжао гордо улыбнулась.

Чтобы заманить Ся Чжитао, она каждый день караулила у дверей юридической фирмы, богатая наследница вела себя как профессиональный папарацци, и сама себя этим удивила.

Наконец, всё сложилось, и она увидела, что Ся Чжитао, казалось, ничем не занята и не знает, куда идти. Сун Мучжао тут же притворилась, что просто проходит мимо, и ловко выскочила, активно уговаривая Ся Чжитао пойти с ней на съёмочную площадку.

Члены съёмочной группы вытирали пот, не ожидая, что одна из крупнейших инвесторов «Рыбы в пруду» вдруг появится с гостем. Они нервничали, вежливо общаясь с Сун Мучжао и её другом, боясь обидеть инвесторов и вызвать отток финансирования.

Лу Цянь скорчил рожицу Сун Мучжао:

— Ты опоздала, не видела, как босс летает по крышам, это было круто.

Сун Мучжао отмахнулась:

— Отвали.

Чжан Куан, увидев жену, мгновенно смутилась, чай чуть не выпал из её рук. Она долго думала, что сказать, и наконец выдавила:

— Тао, Таотао, этот чай очень вкусный, хочешь попробовать?

Сказав это, она сразу пожалела. Она уже пила из этой чашки, и предлагать её жене было странно.

Она смущённо убрала руку.

— Я уже пила из неё, пусть Лу Цянь купит тебе новую.

Лу Цянь энергично встал, готовый бежать за новым чаем, но Ся Чжитао остановила его жестом.

— Ничего страшного.

Ся Чжитао с улыбкой подошла и взяла чай из рук Чжан Куан. Она села на стул рядом, сделала глоток и оценила:

— Действительно вкусно, фрукты свежие.

Косвенный поцелуй.

Я умерла.

Ах.

Чжан Куан дрожащими руками взяла чай обратно, за спокойным выражением лица скрывалась буря эмоций и внутренний визг маленькой птички. Её уши покраснели, словно красная нить, протянувшаяся до шеи.

Глава культа, держись!

Лу Цянь притащил ещё один стул, и четверо сели вместе, создавая уютную атмосферу.

Ся Чжитао смотрела на «раны» Чжан Куан, и нужно признать, что съёмочная группа сделала отличную работу. Хотя это были всего лишь нарисованные следы, они выглядели как настоящие раны, и даже казались более устрашающими из-за того, что краска не высыхала.

Чжан Куан, увидев, что жена смотрит на её «раны», подумала, что та испугалась. Она поспешно пошевелила рукой, спеша объяснить:

— Это всё ненастоящее, просто грим.

<http://bllate.org/book/15404/1361637>